

Со времен эпохи Троецарствия (220–280 гг.) и в период Вей-Цзин (220–420 гг.) в моду вошла традиция на лицевой стороне веера оставлять стихотворные послания своим близким родственникам в качестве подарка. В романе Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» (конец Юаньской – начало Минской династии) описывается как мудрый стратег Чжугэ Лянь, который разрабатывал многие планы битв, а помимо оружия носил веер из гусиных перьев [3, с. 556]. Поэтому со временем веер из перьев стал символом мудрости и проницательности.

Во времена династий Суй и Тан (581–907 гг.) изготовление вееров уже достигло своего совершенства и изящества. Наличие множества цветов и видов веера сделало его излюбленным атрибутом любого человека. В то время особенно популярными были веера вань и веера из перьев, и очень редко можно было встретить бумажные веера.

Во времена Северной Сунь (960–1127 гг.) появился складной веер. Также называемый «цзю тоу шань», «сань шань» и «цзю гу шань», он стал популярен, благодаря своеобразному соединению в своей конструкции и пластины, и ручки веера. До периода Южной Сунь (1127–1279 гг.) изготовление складных вееров уже имело собственную модель производства. В это время широко распространяется роспись, продажа и коллекционирование вееров; появляются мастерские по росписи вееров и специальные торговые лавки с веерами.

После династии Сунь складной веер получил еще большее распространение. Так, Минский император приказал своим дворцовым мастерам сделать копию веера Корё (складной веер, произведенный в Древней Корее), что демонстрирует заимствование иностранных техник производства. Это привело к значительному развитию культуры веера и внутри Китая.

Во время династии Цин (1636 – 1912 гг.) кроме различных видов круглых вееров, также появились и овальные, квадратные с округленными концами, в формах подсолнуха, почки, подковы и др. Особенностью всех этих форм вееров была симметрия, изящность и тонкость работы. Кроме того, во время династий Мин и Цинь также возник такой вид как «росписной веер» в стиле гогуа. Многие мастера этой живописи продемонстрировали свои таланты в росписи вееров, возвысив художественные качества этого предмета и превратив веер в произведение искусства.

Согласно истории развития веера, в основном веера можно разделить на два больших типа: обычный (цельный) веер (включая опахало, веер из пальмовых листьев, соломенный веер, яшмовый веер и др.), которые не могут складываться; и складной веер, который может раскладываться и складываться.

В настоящее время подлинный китайский веер, кроме своей функции спасения от жары, является настоящим произведением искусства. Изящное оформление его конструкции, искусство материалов, каллиграфические росписи его лицевой стороны привлекают внимание обычных людей, коллекционеров, профессиональных мастеров, учёных разных стран.

Список литературы:

1. Ван, Фумин. Легенды уезда Ланчжон / Фумин Ван, Жун Ван. – Наньчун : Издательство учреждения культуры Наньчун, 2004. – 257 с.
2. Ли, Жун. Оригинальные стремления / Жун Ли. – Пекин : Китайское книгоиздательство, 1983. – 315 с.
3. Ло, Гуанчжун. Троецарствие / Гуанчжун Ло. – Пекин : Издательство народной литературы, 2010. – 990 с.
4. Оуян, Сюнь. Китайская классическая литература: лучшие виды искусства: в 70 т. – Шанхай : Шанхайское издательство древней литературы, 1965. – Т. 69. – 16 с.
5. Цуй, Бао. Энциклопедия Гуцзинчжу : в 3 т. – Пекин : Китайское книгоиздательство, 1997. – Т. 2. – 189 с.
6. Цуй, Бао. Энциклопедия Гуцзинчжу : в 3 т. – Пекин : Китайское книгоиздательство, 1997. – Т. 3. – 289 с.
7. Чень, Чанмин. Стихотворение и картина «Крылья веера» / Чанмин Чень. – Чанша : Прозаическое произведение классической литературы, 2016. – 105 с.
8. Чжун, Цзюнь Хуа. Поэтическая хрестоматия стихов на веере древних династий / Цзюнь Хуа Чжун. – Чэнду : Учреждение искусства и науки, 2002. – 200 с.
9. Старинная антология древней китайской поэзии, собранных людьми в эпоху династии Тан: в 21 т. – Пекин : Издательство народной литературы, 1976. – Т. 4. – 106 с.
10. Ян, Инь Шень. Явления и вещи древности / Инь Шень Ян. – Шанхай : Шанхайская лексикографическая литература, 2014. – 187 с.

Чжу Гэлимэн

СУЩНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО ОБРЯДА

Zhu Galiman

ESSENTIAL FEATURES OF THE POETICS OF A BURIAL-FUNERAL RITE

Интерес к проблематике погребально-поминальной обрядности обусловлен тем, что этот аспект традиции отражает проявления мировоззрения – представления о судьбе, душе, смерти, загробной жизни – и, таким образом, определяет картину мира той или иной нации. Погребальная и поминальная обрядность – важнейшая составная часть любой культуры. Обряд как действие несловесного сообщения обладает собственными законами построения и своеобразной поэтикой. Несмотря на разнообразие способов захоронения, во все времена их объединяло одно важное, схожее обстоятельство: в основе любого погребального обряда лежало убеждение, что смерть – это не конец, а переход в иное, отличное от жизни состояние. Наиболее заметно это проявляется в религиозных ритуалах, что непосредственно связано с религиозной философией. В каждом вероисповедании ритуал погребения может трактоваться по-разному, но главная идея некоего трансцендентного перехода остается общей для всех конфессий.

Данное исследование опирается на философско-культурологическое осмысление погребально-поминальной обрядности, проблемы смерти, перехода в иное состояние, представленное в работах российских и европейских учёных (М.

Изучение ритуалов и обрядов приобретает особую актуальность в контексте проблемы сохранения уникальных этнических традиций. В статье раскрываются существенные особенности поэтики погребально-поминального обряда.

The study of rituals acquires special relevance in the context of the problem of unique ethnic traditions preserving. The article reveals the essential features of the poetics of the burial-funeral rite.

Логунова [1], А. ван Геннеп [5], А.К.Байбурин [6], О. Сedaкова [7] и др.). Особо следует отметить имена современных китайских исследователей по данной тематике – Сюй Цзицзюнь, Хэ Юньбао, Чжу Нинхун, Чэнь Хунь, У Ди и др.

Термины «траур», «ритуал», «церемониал» в русский язык вошли в употребление в начале XVIII в. Под понятием «траур» традиционно понимают скорбь, печаль, причинённую каким-либо бедствием, смертью близкого человека или общественного деятеля или ограничение в проведении различных мероприятий общественной или личной жизни, в основном связанное с прекращением разного рода увеселений, время ограничений, налагаемых на общественную или личную жизнь. Под «ритуалом» понимают совокупность и установленный порядок обрядовых действий для совершения какого-либо акта. Каждая цивилизация в целом или народ, группа, общность вырабатывали комплекс действий, связанных с прощанием с умершими, учитывая наиболее важные и значимые характеристики жизни и ценностей данного человеческого объединения или сообщества. Необходимость что-то сделать с телом умершего – будь то захоронение, выставление, перенос в другое место, сожжение, каннибализм – определило уровень цивилизации и культурных особенностей определённого социума. Манипуляции с телом покойного постепенно стали устойчивым набором действий, что способствовало переходу ритуала на более высокую ступень церемониала.

Ритуал отличается от понятий «церемониал» и «церемония». Церемония – это внешние условности, принужденность в поведении. Если в ритуале находят отражение обычаи и представления народа, то церемонии – это понятие более искусственное. Отрабатываясь на протяжении определённого времени и подвергаясь оценке с точки зрения главенствующих представлений о нравственных, культурных и религиозных ценностях, ритуал обрастает условностями, зачастую надуманными, но представляющимися необходимыми для поднятия его над уровнем обыденности. Постепенно церемонии переходят к более высокой степени церемониала. Церемониал – официально принятый распорядок церемонии (торжественного приема, шествия и т. п.).

Следует разграничивать похоронный ритуал людей обычных, то есть церемонии, какими человек окружает проводы близких ему людей, и более высокое понятие государственного церемониала погребения представителей верхушки общества, особенно первых лиц государства. Неоспоримым является тот факт, что смерть обычного человека и его похороны значительно отличались от смерти и похорон элиты общества, особенно если речь шла о руководителе некоего сообщества: вождя, правителя или членов правящей семьи. Наряду с государственными праздниками, подобные события становились такими же важными, как и все победы и завоевания, сделанные при жизни.

Знание методов организации и проведения государственных мероприятий вообще и официального похоронного ритуала в частности, как пишет М. Логунова, имеет огромное значение в общеполитическом и прагматическом смыслах. Подбор участников, использование символики, построение шествия, включение звукового сопровождения, сочетание светского и духовного начал, проработанность мельчайших деталей, прозрачность материальных затрат и освещение торжества в средствах массовой информации – ни один из этих аспектов не является второстепенным и требует профессиональных знаний и навыков [1, с. 5].

Траурный ритуал относится к числу самых консервативных традиций. Он наименее подвержен различным нововведениям, но в то же время является отражением культурных, религиозных, политических, эстетических и этических норм, принятых конкретным обществом в определённую историческую эпоху. Государственный церемониал должен был служить презентационным целям – показать всему миру и собственным подданным достижения монарха и всей страны при абсолютизме, где правитель, собственно, и представляет свою страну.

Траурный церемониал как один из наиболее важных государственных действий, объединяет сохранение традиционных черт, принятие основных новшеств в идеологической программе власти и тем самым отражает существенное значение изменений, происходивших в осознании фигуры конкретного правителя и всего государственного строя в целом.

Повторное в определённых ситуациях действие, имеющее достаточно выраженный сакральный характер, на очередном этапе жизни человека (новый календарный год, рождение нового человека, создание новой семьи, новоселье и т. п.) называется обрядом. Обряд жестко регламентирован, он не допускает ни малейших отступлений, неточностей, произвольного толкования. Переходя от одной исторической формации к другой, человек не только привносил новые обрядовые элементы, но и сохранял привычные, выработанные ранее. В советской и, в частности, белорусской этнографической литературе шире использовалось понятие «обряд», в западноевропейской и американской этнологии – «ритуал». Обряд – это более широкое понятие (свадебный обряд, похоронный обряд), ритуал – некоторая его часть (деление свадебного караваля).

В области этнологии и этнолингвистики погребальная обрядность – необходимый и богатейший источник для описания и интерпретации других традиционных обрядов жизненного и календарного цикла. По структуре обряд – это, как правило, многокомпонентное явление. Он может иметь сложную структуру, например, колядный обряд белорусов длился в течение двенадцати дней, состоял из трех важнейших частей, каждая из которых выполняла свою либо самостоятельную, либо взаимозависимую роль. Поэтому обряд также можно назвать ритуально-обрядовым, фольклорно-этнографическим, мифоритуальным комплексом [2, с. 11].

Для проведения обряда учитываются следующие составляющие: время действия, место действия, главные персонажи, ключевые обрядовые действия, обрядовые атрибуты, обрядовая еда, обрядовая одежда, обрядово-магическое слово (нередко заклинание), гадания как составляющая часть календарных обрядов, предсказания о погоде.

В народных обычаях, связанных с похоронами, можно выделить три основных этапа: предпогребальные обрядовые действия (подготовка тела умершего к похоронам, омовение, одевание, положение во гроб, ночные бдения у гроба покойного); погребальные обряды (вынос тела, отпевание в церкви, дорога на кладбище, прощание с умершим у могилы, погребение гроба с телом в могилу, возвращение родных и близких обратно в дом умершего); поминки (после похорон в доме умершего на третий, девятый, двадцатый, сороковой дни, полгода, годовщину после смерти). Многие предпогребальные действия, помимо практической необходимости, имеют древнее, ритуальное происхождение. Смерть мыслилась как дорога в загробный мир, а омовение, обряжение покойного и другие действия по подготовке его к похоронам – как бы сборами в дальнюю дорогу.

В 1980-1990-е гг. выдающийся российский ученый, археолог, В.С. Ольховский провёл работу по уточнению содержания основных терминов («погребальный памятник», «погребальный обряд» и др.) и рассмотрел структуру погребально-поминального обряда. По его мнению, погребальный памятник – это конечный продукт, результат погребального ритуала, специально оформленное место захоронения людей или животных. В.С. Ольховский отнёс

погребально-поминальный обряд к религиозно-мифологическому блоку в системе идеологии и выделил в нём семантический, процессуальный и практический уровни, в разной степени отражённые в погребальном памятнике. В структуре погребального памятника он видел три уровня: погребение (погребальное сооружение, останки погребенного, погребальный инвентарь), погребальный комплекс (надгробные сооружения, следы ритуальных действий), погребальная группа (метаструктура погребального комплекса – топография погребений, наличие святилищ и пр.). Погребально-поминальный обряд исследователь определил как совокупность символических и реальных действий, осуществляемых в соответствии с определёнными нормами, несущими религиозно-идеологическую нагрузку в процессе подготовки, совершения захоронения умершего и в течение определенного времени после захоронения с прощально-мемориальной целью [3, с. 69].

Всё связанное со смертью, манипуляциями с телом покойного, подготовкой к переходу в иную реальность, окружение покойного, собственно похороны и траурные мероприятия, обрабатывалось в традиции любого народа и цивилизации на протяжении многих лет и становилось одним из самых консервативных, не подвергающихся нововведениям обрядов. Основной целью погребального обряда является обеспечение благополучного перехода умершего из мира живых в мир мёртвых с приобщением его к иному потустороннему миру и, одновременно, созданием определённых гарантий безопасности социума от вредоносного влияния покойника и соприкосновения со смертью. По мысли исследователя теории ритуала А.К. Байбурина, «исходная ситуация похорон может быть охарактеризована как нарушение соответствия между социальным и биологическим состоянием человека. Физическая смерть не равносильна социальной. Для того чтобы человек стал мёртвым и в социальном плане, необходимо совершить специальное преобразование, что и является целью и смыслом погребального ритуала» [4, с. 101].

Ритуальное захоронение умерших объясняется нежеланием человека примириться со смертью как абсолютным концом существования. Независимо от очевидности физического распада, вызываемого смертью, сохранилась вера в то, что некая часть индивидуальности умершего продолжает существовать и после физической гибели тела. Вера в посмертное существование породила множество разнообразных представлений о дальнейшей судьбе умерших, которые тесно связаны с пониманием сущности человека в той или иной религии.

Главной задачей поминальных обрядов становится гармонизация отношений между миром живых и миром мёртвых посредством умилостивления усопших ради обеспечения их покровительства в качестве предков. В основе ритуальных действий лежат представления о существовании души и продолжении «земных» отношений в потустороннем мире, проявляющемся в культе мёртвых.

Для осмысления обрядов жизненного цикла, в который наряду с погребально-поминальным входят родинный и свадебный, первостепенное значение имеет «теория перехода», которая трактует смерть как социальную и биологическую трансформацию, разработанная французским этнографом и фольклористом А. ван Геннепом. Согласно его концепции, «ритуалами перехода», состоящими из «прелиминарных (отделение), лиминарных (промежуток), постлиминарных (включение)» обрядов, считаются обряды, сопровождающие перемену места, состояния, социального положения, социальной позиции и статуса. С переходом от одной стадии к другой индивид утрачивает свой прежний статус и приобретает новый посредством выполнения различных необходимых церемоний [5, с. 15]. По его мнению, похороны – это отражение обряда «перехода» с трехступенчатой структурой.

Первая стадия – «обряд отделения» (изоляция) умершего от других членов общества. Его помещают отдельно, в особое место (жилище, святилище, специальная площадка и т. д.). Участники ритуала «выходят» из своих прежних социальных ролей и «переходят» в иное, так называемое «поговое», состояние. *Вторая стадия* – осуществление похорон (захоронение), когда живые участники превращаются в «плакальщиц», а умерший переходит от статуса личности, индивида, к статусу трупа, и при этом душа его отделяется от тела. Наконец, *третья стадия*: «ритуал воссоединения», когда участники похорон возвращаются к обычной жизни. «Плакальщицы» возвращаются к общественной жизни, но уже без мертвеца, труп которого окончательно помещён в нужном месте, а душа должна присоединиться к душам предков.

По мнению исследователей А. Байбурина и Г. Левинтона, в описании и сопоставлении переходных ритуалов, как правило, эталоном служит инициация, то есть совершение таинства, посвящение. Именно в ней наиболее чётко и эксплицитно представлена трёхчастная схема, которая является основой переходного обряда и критерием, по которому обряд причисляется к этому классу: выделение из коллектива – «пограничный период» (пробывание вне освоенной территории, временная смерть) – реинкарнация, возможность родиться заново. Нужно, однако, учитывать, что в каждом конкретном обряде эта схема может существенно модифицироваться. В самом общем виде для похорон эта трёхчастность реализуется следующим образом: отделение от живых (подготовительные обряды, вынос) – путь (включая и само погребение) – новая жизнь: присоединение к «предкам», превращение в «дедов», т.е. шире – попадание на тот свет, так или иначе представляемый и локализуемый, или же возрождение в потомках, реинкарнация в том или ином виде [6, с. 64-65].

Отметим, что в переходных обрядах, моделирующих социальную жизнь человека, чётко прослеживается функция обряда как регулирующего социального механизма: являясь приуроченными к определённым моментам биологической или общественной жизни индивида, они призваны приобщить человека к социальным стандартам посредством включения его в соответствующий социальный статус, с которым, в свою очередь, связана совокупность предписанных обычаев прав и обязанностей. А так как обряды рождения, свадьбы, похорон представляют собой не только набор типовых действий, совершающихся в строго определённом ритуалом последовательности, но и все они в совокупности составляют единую цепочку и служат регулирующей программой поведения индивида на протяжении всей его жизни. Ярко выраженная двойственность всего погребального обряда и отдельных его актов традиционно представляется этнографами как результат того, что обряд обращён одновременно к двум адресатам: живым и умершему – и представляет собой оказание почести умершему, помощь ему в переходе в загробную жизнь и ограждение живых от действия смерти.

Выделяются три основные функциональные группы актов в обряде: 1. Обрядовые действия, направленные на разрыв границы жизнь/смерть. Цель их – помочь умершему в достижении очного света. 2. Обрядовые действия, направленные на восстановление, укрепление границы жизнь/смерть. Цель их – замкнуть смерть, оградить живых от её нового вторжения. 3. Обрядовые действия, направленные на установление контакта через границу жизнь/смерть. Следствием этого контакта ожидаются плодородие и обилие, посылаемые из области Смерти. Все эти три функции одновременно присутствуют в течение всего обрядового времени. Но одна из них обычно доминирует над остальными, составляя характерность отдельного акта. Доминирование какой-либо из функций во многом определяет специфику

местных вариантов, так что расхождения в составе и последовательности обрядовых актов приобретают некоторую системную цельность [7, с.79-80].

Погребальный акт немаловажен без его исполнителя, относительно которого существуют довольно жёсткие регламентации. Разные исполнители изменяют семантику одного и того же акта: так, например, если обмывание тела после кончины поручается непременно старым, или непременно людям того же пола, что умерший, или непременно родным (чужим) – каждый раз мы имеем несколько иную интерпретацию самого акта обмывания.

Особая роль в реконструкции глубинных смыслов обряда принадлежит языковым фактам. Рассмотрение ключевых лексем со сложной архаической семантикой позволяет увидеть в них смысловое единство обряда, раскрытие которого способствует пониманию общей концепции смерти как исчерпанности до конца предназначенной человеку доли. Реконструкция языковой стороны обряда сопряжена с рядом существенных трудностей: общее в обряде, даже относящееся к основополагающим понятиям ритуала, в разных традициях получает различное языковое воплощение, что заставляет переключаться с генетического аспекта проблемы на типологический.

Глубинная семантика и прагматическая установка роднит погребальный обряд с другими «переходными ритуалами», призванными восстановить нарушенное равновесие, нейтрализовать опасность переходного периода, связанную с временной открытостью границы двух сфер (жизнь-смерть в погребальном обряде, свой-чужой в свадебном, чистый-нечистый в купальском и т.п.) и окончательно утвердить их разделение. Семантика погребального обряда при этом способствует адекватной интерпретации иных ритуалов, но и сама она в некоторых отношениях проясняется при сопоставлении с ними.

Погребальный обряд принадлежит к типу переходных обрядов, в которых ритуально закрепляется перемена статуса человека, осмысленная в пространственных категориях – как выход из одного измерения и вход в другой. «Пространство жизни» и «пространство смерти» – основные представления, которыми используются в таком обряде. Погребальный обряд типологически близок таким переходным обрядам, как свадьба, рождение, новоселье.

Для похоронной обрядности в целом свойственны представления о смерти как о дороге в «иной» мир. Вера в посмертное существование породила множество представлений о дальнейшей судьбе умерших.

Использование элементов похоронно-поминальной обрядности позволяет констатировать, что многие обычаи и традиции продолжают устойчиво сохраняться в обрядовой сфере. Несмотря на утрату понимания семантики многих элементов обряда, сохраняется основная линия ритуала. Единой является общая структура обряда, включающая действия, связанные с подготовкой к смерти и с самим моментом смерти; действия, направленные на подготовку перехода покойника в «иной» мир к погребению; состав участников обрядовых действий и регламентация их действий, похороны, поминки и последующий траур.

Способы захоронения и ритуалы погребения разнообразны у народов мира и сообразны исповедуемой религии. Погребально-поминальная обрядность живёт в любом народе как составная часть его культурных традиций; в ней отражаются особенности человеческих связей и моральных норм, определяющих состояние общества в тот или иной период. Уважение к умершим предкам позволяет свидетельствовать об уважении к живым.

Список литературы:

1. Логунова, М. Печальные ритуалы императорской России / М. Логунова. – М. : Центрполиграф, 2011. – 83 с.
2. Котович, О. Золотые правила народной культуры / О. Котович, Я. Крук. – 6-е изд., доп. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2011. – 592 с.
3. Ольховский, В. С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий / В. С. Ольховский // Советская археология. – № 1. – 1986. – С. 68–71.
4. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
5. Геннеп, А. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп. – М. : Вост. лит., 2002. – 198 с.
6. Байбурин, А. К. Похороны и свадьба / А. К. Байбурин, Г.А. Левинтон // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. – М. : Наука, 1990. – 258 с.
7. Седакова, О. Поэтика обряда: Погребальная обрядность восточных и южных славян / О. Седакова. – М. : Индрик, 2004. – 319 с.

Li Meng

ПРОЯВЛЕНИЕ КОМИЧЕСКОГО В НАРОДНОМ СЦЕНИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ КИТАЯ

Народное сценическое искусство является источником комического, представлено разными жанрами. Комизм народного сценического искусства отражает национальный характер китайского народа.

Li Meng

MANIFESTATION OF THE COMIC IN THE NATIONAL SCENIC ART OF CHINA

As the origin of the Chinese comic art, folk performing art presents itself in various styles. The comedian side of traditional Chinese folk performing arts is indeed a good representative of Chinese characteristics.

Национальные традиции культуры народа отражают всё богатство действительности. Именно в недрах народной духовной культуры заключено многообразие комического, находящее яркое проявление в народном сценическом искусстве. У каждого народа есть свои обычаи и свои нормы внешнего быта, отступление от которых приводит к появлению тех или иных пороков, которые первоначально воспринимаются как нарушения общепринятого и в дальнейшем подлежат осмеянию. Объектом осмеяния всегда было и остается всё эгоистическое, мелкое, уродливое, безобразное как в людях, так и в их отношениях, несмотря на общественные преобразования, изменение взглядов самих людей на комическое. Ведь главное в комическом – это выявление, обнажение социальных пороков; высмеивание старого, изжившего себя, но всё ещё держащегося в жизни; осмеяние чванства, невежества, зазнайства и т.д. При этом очевидно, что комизм основан на